

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
М И К Л У Х О - М А К Л Я Я

К Р А Т К И Е
С О О Б Щ Е Н И Я

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

Т. А. ЖДАНКО

КАРАКАЛПАКСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА «КЫРК КЫЗ» КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Устное народное творчество, в частности народные эпические произведения, за последние годы очень мало используются в качестве историко-этнографического источника¹.

Между тем для восстановления исторических судеб народов, не имевших до революции своей письменной истории, памятники устного народного творчества приобретают особо важное значение. С этой точки зрения ждет еще своего изучения и богатое эпическое наследие каракалпаков — богатырские эпосы «Алпамыс», «Коблан», «Мас падша», «Кырк кыз» и др.

Среди них особенно своеобразна прекрасная каракалпакская эпическая поэма «Кырк кыз» («Сорок девушек»), сюжет которой строится на древней легенде о девушках-воинях — «амазонках»². До настоящего времени эпос «Кырк кыз» еще не подвергался детальному исследованию, которое могло бы выявить всю глубину его научной ценности как историко-этнографического источника. Между тем еще до первого своего издания (1948 г.) эпос «Кырк кыз» вызвал огромный интерес у историков и этнографов. В своем отзыве на его подстрочный перевод, сделанный У. Кожуровым в 1945 г., С. П. Толстов отмечал, что в тексте эпоса «богато отражено историко-культурное прошлое предков каракалпаков и самих каракалпаков. Материальный быт, семейные отношения, военная организация и техника, верования и обряды, мировоззрение каракалпаков и их отдаленных предков — все это выступает в эпосе яркими чертами и по опубликованию текста вызовет исключительный интерес этнографов

¹ В числе исследований, посвященных историческому и этнографическому анализу фольклора тюркоязычных народов Средней Азии и Южной Сибири, следует отметить следующие: «Шорский фольклор», записи, перевод, вступительная статья и примечания Н. П. Дыренковой, М.—Л., 1940 (см. также рецензию на эту книгу Л. П. Потапова в СЭ, 1948, № 3); А. Н. Бернштам. Эпоха возникновения великого киргизского героического эпоса «Манас». «Киргизстан». Литературно-художественный альманах. Фрунзе, 1946; С. М. Абрамзон. «Манас», киргизский эпос. «Великий поход», СЭ, 1947, № 1; его же. Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас». СЭ, 1947, № 2; И. Джаббаров. Некоторые этнографические материалы в узбекском эпосе «Алпамыш», «Тезисы докладов и сообщений регионального совещания по эпосу «Алпамыш». Изд. АН УзССР, Ташкент, 1956.

² «Кырк кыз», Ташкент, 1948 (на узб. языке); «Кырк кыз». Каракалпакский народный эпос. Пер. С. Сомовой. Ташкент, 1949; «Кырк кыз Қарақалпақ халқының қахарманлық достаны Қурбанбай жрау», Нонис—Ташкент, 1949; «Сорок девушек». Каракалпакская народная поэма. В переложении Арсения Тарковского. М., 1951; Кырк кыз. Қарақалпақ халқының қахарманлық дас таны. Қурбанбай жраудан. Дузетилип екинши рет басылуы», Нокис, 1956.

и историков»³. В дальнейшем, в ряде своих трудов С. П. Толстов привлекает отрывки из «Кырк кыза», доказывая, что в нем отложился один из древнейших пластов среднеазиатской эпической традиции⁴; отдельные ссылки на «Кырк кыз» встречаются и в трудах других этнографов и историков⁵. В настоящем очерке автор делает попытку дать краткий обзор тех многочисленных сюжетов богатырского «дастана», каждый из которых может составить самостоятельную тему этнографического исследования.

* * *

Сюжет богатырского эпоса «Кырк кыз» своеобразен. В нем повествуется о мирной жизни и о военных подвигах сорока доблестных девушек-воинов, каракалпакских «амазонок», во главе с их предводительницей — мужественной, умной и благородной Гулаим. Действие происходит в Туркестане — отчизне (ата журты) каракалпаков, в «стране погаев», в легендарном Сарконе⁶. Пятнадцатилетняя красавица Гулаим, отвергая притязания бесчисленных женихов, решает стать витязем и поселиться отдельно от отца и братьев. По ее просьбе отец, бай Аллаяр, дарит ей остров Миуели, на котором она строит с помощью двенадцати мастеров неприступную крепость со стенами из бронзы («Қоладан қорған солдырды») и прочными металлическими воротами, украшенными резьбой. Внутри этой крепости, в белых юртах, поселились Гулаим и избранные ею сорок девушек-подруг, которых она стала обучать военному искусству. В свободное от военных упражнений время Гулаим с девушками освоили под земледелие пустынный солончаковый остров; вспахав его и удобрив бесплодную землю, они вырастили прекрасные фруктовые сады и цветники. Дальнейшие события в поэме приурочены к трем периодам жизни Гулаим и ее народа — жителей г. Саркона. Первая часть — мирный период; в ней ведется рассказ о времяпрепровождении девушек на острове, о попытках настоячивых претендентов проникнуть в крепость и добиться всеми способами, вплоть до наглого обмана, расположения Гулаим, причем главное место среди этих неудачников занимает плешивый пастух Аллаяра — Журинтаз. В этой части поэмы больше всего этнографических деталей, связанных в особенности с вынужденным бракосочетанием Гулаим с Журинтазом. Последний добился согласия Аллаяра, явившись к баю в образе духа его предков, в то время когда тот молился ночью на мазаре о своем исцелении от тяжкого недуга. События, последовавшие затем в семье Аллаяр-бая и девичьей дружине Гулаим, разговоры разгневанной, но подчиняющейся любимому отцу гордой девушки с подругами и родственницами, незавершенное свадебное торжество (Журинтаза убил во время брачного пира его соперник Сайеке) — пронизаны бытовыми подробностями и поразительно яркой, реалистической характеристикой человеческих образов — как героев поэмы, так и рядовых персонажей, представителей народа.

³ Отзыв приложен к рукописи перевода У. Кожурова, хранящейся в научном архиве Каракалпакского Комплексного Института АН УзССР.

⁴ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. КСИЭ, вып. II, 1947, стр. 72—73.

⁵ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. ТХЭ, т. I, 1947, стр. 553; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 51 и др.

⁶ В настоящее время каракалпаки употребляют слово «саркон» не как собственное имя, а как нарицательное, обозначающее отдельную укрепленную башню или цитадель. См. легенду о крепости Хайван-кала в полевых записях Каракалпакского этнографического отряда, 1947 г.

Следующая часть дастана переносит слушателей в Хорезм, во время вторжения туда жестокого завоевателя Надир-шаха⁷. Здесь повествуется о событиях, решающих судьбу второго героя — батыра Арыслана, которого Гулаим полюбила, увидав его во сне. Арыслана она в свою очередь покорила в сновидениях чарами своей красоты, но он откладывает розыски своей возлюбленной в связи с необходимостью защищать народ Хорезма от Надир-шаха, еще не успевшего полностью подчинить страну.

У Арыслана есть сестра — прекрасная Алтынай, тоже девушка-витязь, разделяющая с братом все трудности и опасности борьбы с сильным врагом. Но Надир-шах, пытаясь завладеть красавицей Алтынай, с помощью своего коварного визиря и старухи-ведьмы (*мастан-кемпир*) изобретает способ лишить ее защиты брата и распускает слух о сожительстве Арыслана со своей родной сестрой. Как и рассчитывал Надир-шах, в результате этой интриги оскорбленный и опозоренный Арыслан уходит из Хорезма и ищет горестного уединения в пустыне. Однако народ Хорезма не верит клевете и вручает свою судьбу Алтынай, избрав ее вместо брата своим батыром, предводителем в оборонительной борьбе с врагом. В это же время в Саркопе назревают кровавые события. Хан калмыков — Суртайша, узнав об отъезде Гулаим и ее дружины из крепости в степь на очередные учебные занятия воинским делом, нападает на Саркоп и подвергает его страшному разгрому. В битве гибнут Аллаяр и шесть братьев Гулаим; оставшихся в живых жителей Саркопа, в том числе и старую мать девушки, калмыки угоняют в свои владения, за р. Чирчик. Следующая часть поэмы посвящена описанию военных действий Гулаим, бросившейся в погоню, но настигнувшей врагов лишь тогда, когда калмыки уже пригнали измученных пленников в свою крепость, неприступную для войска каракалпакских девушек. Однако в городе вспыхнуло восстание против Суртайши, в котором участвовали и возмущенные жестокостью своего хана калмыки, и пленные жители Саркопа. Восставшие помогли войску Гулаим войти в крепость. Гулаим вызывает Суртайши на единоборство и убивает его.

Во время наступления на калмыцкую крепость происходит встреча Гулаим с Арысланом, который вступает в войско Гулаим и помогает ей победить Суртайши. После одержанной победы оба героя, возглавив войско и освобожденных из плена саркопцев, к которым присоединилась и часть восставших калмыков — возвращаются на родину. С благословения своего народа Гулаим выходит замуж за Арыслана. Но этим не кончается ее жизнь женщины-воина; вместе с Арысланом и своей дружиной она идет в Хорезм, помогает изгнать оттуда чужеземные войска Надир-шаха и освободить попавшую в плен Алтынай.

События завершаются торжественным решением освобожденных жителей Хорезма создать в Хорезме государство четырех равноправных народов — узбеков, каракалпачков, казахов и туркмен.

Разумеется, столь краткое изложение сюжета богатырского дастана, имеющего в подлиннике 18 тыс. строк, может дать лишь самое общее представление о его содержании. Анализируемый эпос отличается многообразием человеческих характеров, сильных, ярких и гуманных. Эти черты проявляются не только в быту и личной жизни положительных героев эпоса, но больше всего в их отношении к народу и поведению в трагической обстановке народных бедствий.

⁷ В имени завоевателя отражаются исторические события 1740—1741 гг. — времени завоевания Хорезма шахом Ирана Надиром (см. ниже).

Не только исследователей-литературоведов, но и каждого читателя поражает в этом произведении его глубокая идейность и народность. Гулаим говорит:

Елсиз батыр болмайды,	Нет батыра без народа,
Жерсиз батыр болмайды...	Нет батыра без земли (отчизны)

«Основная идея поэмы, пронизывающая ее всю от начала до конца — высокое, благородное чувство патриотизма», — пишет Давкараев⁸. «Поэма раскрывает идею патриотизма в ряде ярких и образных картин борьбы за свободу и независимость народа, в обрисовке сильных, независимых характеров героев, возглавляющих эту борьбу. В поэме батыр — верный слуга народа; кто не служит народу, не защищает свой край, тот недостойн даже того, чтоб быть похороненным на родной земле. Когда речь идет о народном деле, то личное должно отступить на второй план». Поэма «Кырк кыз» проникнута идеей дружбы народов, которая ярко выражена в сценах восстания в калмыцкой крепости против Суртайши, а также в конечных строфах, повествующих о назначении четырех биев для управления Хорезмом — представителей узбеков, казахов, каракалпаков и туркмен.

Исторический подход к изучению содержания дастана «Кырк кыз» дает возможность наметить в нем по крайней мере четыре наслоения, связанных, очевидно, с историей постепенного формирования современного цельного и законченного варианта.

Первый, самый древний слой поэмы крайне архаичен. Он восходит, вероятно, к древнейшим предкам каракалпаков — племенам Приаралья VI—IV вв. до н. э., находившимся на грани перехода от матриархата к патриархату.

Второй этап формирования поэмы отражает быт более близких предков каракалпаков, по-видимому средневековых тюркских племен, с ярко выраженными чертами патриархального строя и вместе с тем с рядом этнографических особенностей, утраченных каракалпаками.

Третий слой уже несомненно каракалпакского происхождения. При всей сказочности и легендарности описаний военных подвигов Гулаим и Арыслана в них ясно прослеживается отражение реальных исторических событий XVIII в., потрясших судьбы каракалпаков и народов Хорезма. Это — нашествие на присырдарьинские области джунгар-калмыков (1723 г.) и завоевание Хорезма Надир-шахом (1740 г.).

В 1723 г. джунгары, завоевав район среднего течения Сыр-Дарьи и заняв Туркестан, вытеснили оттуда каракалпаков, одна часть которых вынуждена была уйти на северо-запад, другая — на восток, к Жаны-Дарье, а третья — в глубь Средней Азии, вверх по Сыр-Дарье. Именно в этом последнем направлении ушли и жители Саркопа, захваченные в плен калмыцким ханом Суртайши и угнанные за р. Чирчик. В эпосе в имени жестокого хана калмыков сохранился и титул джунгарских князей — «тайши»⁹.

Исторические события в поэме немного смещены во времени; как известно, Надир-шах пришел со своим войском в Хорезм после калмыцкого нашествия, а не до него, как рассказывается в «Кырк кызе». В описании легендарной борьбы Арыслана, батыра хорезмского народа, с персидским завоевателем, безусловно, отражается реальный исторический

⁸ См. послесловие Н. Давкараева к изданию «Сорок девушек» в переложении Арсения Тарковского (М., 1951, стр. 374).

⁹ См. П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков. «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935, стр. 63, прим. 4.

факт борьбы аральцев (населения северных окраин Хорезма, на которые не простиралась власть Надира и его наместников) против господства иранцев¹⁰. Историческим фактом является также активное участие подчиненных хану Абулхайру нижнесырдарьинских казахов и каракалпаков в политических событиях, происходивших в Хорезме в период нашествия Надир-шаха.

И, наконец, четвертое историческое напластование, которое можно проследить в эпосе, в частности в упомянутой выше его концовке о дружбе народов, очевидно, связано уже с его новейшей модернизацией, с влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и, возможно, с национально-государственным размежеванием Средней Азии в 1924 г.

Выделение этих четырех исторических напластований, сделанное на основании содержания эпоса, до некоторой степени оправдывается и подтверждается выявленной каракалпакскими фольклористами историей передачи дастана «Кырк кыз» из уст в уста народными певцами — *жрау*. Им удалось проследить пять поколений сказителей. «Кырк кыз» в современном варианте был записан в 1940 г. в колхозе «Обком» Турткульского района КК АССР, от известного жрау Курбанбая Тажибаева, 1883 г. рождения, каракалпака-мангыт, отец которого, уроженец местности Камыс-арык близ Чимбая, переселился в Шурахан в поисках заработка. Молодой Курбанбай семь лет пас байские стада на летних пастбищах близ Тамды, Кенимеха и Нураты; там он почерпнул у других пастухов свой основной фольклорный репертуар. Дастан «Кырк кыз», называвшийся в то время «Гулаим», Курбанбай перенял от своего турткульского учителя Жиемулата Бекмухаметова. Последний усвоил его от жителя Нурата, жрау Халмурат-Казака, каракалпака-ктай рода анна. Халмурату, по преданию, передал «Кырк кыз» жрау Шанкай, Шанкаю — жрау Кабул из рода кайшылы, Кабулу — знаменитый народный поэт XVIII в. — Жиен-жрау, происходивший из каракалпакского племени мюйтен и бывший участником бедствий, испытанных каракалпакским народом в этот трагический период его истории¹¹.

Мюйтены — одно из наиболее древних племен среди каракалпаков. Издавна мюйтены жили на территории прилегающих к Аралу северных районов Кара-Калпакии (нынешние Тахта-Купырский и Муйнакский районы), а в XVIII в., до перехода в Хорезм, значительное число их жило в низовьях Сыр-Дарьи, принадлежа к так называемым «нижним» каракалпакам, перешедшим под власть России в 1741 г.¹² Распространение нынешнего варианта поэмы с далекого севера на юг, в район Нурата, связано с судьбой Жиена-жрау. Из северного Хорезма, куда Жиен-жрау пришел в годы бедствия вместе с большой группой разоренных сирдарьинских каракалпаков, он возвратился вскоре в Туркестан, а оттуда — в Нурата и Кенимех, где и продолжал свою творческую деятельность. Первоначальное распространение эпоса «Кырк кыз» именно в среде мюйтенов, на севере, на исконных каракалпакских землях, подтверждается этнографическими данными. Так, в 1956 г. во время работ Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в Муйнакском районе среди мюйтенов и казахов побережья Арала один из информаторов сообщил этнографу С. Камалову о рассказах своего деда про Жиена-

¹⁰ См. «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 431—432.

¹¹ Н. Давкараев. Очерки по истории каракалпакской литературы, стр. 251 и сл. (рукопись).

¹² Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950, стр. 16.

жрау; старик слушал исполнение дастана «Гулаим» непосредственно из уст Жиена-жрау в одном из аулов сородичей народного певца, мойтенов рода абыз¹³.

Из наслоений эпоса наибольший интерес для историков и этнографов представляют те, которые характеризуют самые архаические этапы его создания. Сюда следует отнести прежде всего основу сюжета — тему о девушках-воинах, «амазонках»: о каракалпакском «кыз-батыре» Гулаим с ее дружиной и первой помощницей и другом — отважной, мудрой Сарьбиназ, а также о хорезмской красавице Алтынай, мужественно принявшей от доверившегося ей народа почетное поручение — возглавить оборону от жестокого, озлобленного врага.

Сюжет женщин-воинов не чужд и другим эпическим произведениям народов Средней Азии. Этот сюжет восходит к отдаленной эпохе матриархата¹⁴, он зафиксирован древними авторами в произведениях, освещающих жизнь среднеазиатских племен и народов еще в I тысячелетии до н. э. Так, в сако-массагетских эпических сказаниях о борьбе среднеазиатских народов с Киром большую роль играет царица массагетов Томирис, победившая войска могущественного царя Ирана в битве, о которой Геродот пишет: «Я полагаю, что из всех битв, бывших среди варваров, эта была жесточайшей... Большая часть персидской армии была уничтожена, погиб и сам Кир, процарствовав без одного тридцать лет»¹⁵. По рассказу Полиэна, сакская царица Спаретра, также борющаяся с Киром, нанесла ему поражение, освободив из плена своего мужа Аморга. Войско Спаретры почти наполовину состояло из женщин. Диодор пишет и о другой сакской царице; это была «женщина с совершенно воинственными наклонностями по имени Зарина»; она сама принимала участие в битвах и была ранена в одном из сражений. «Вообще женщины у этого племени, — пишет Диодор, — мужественны и делают с мужьями опасность войны». Зарина «привела в культурное состояние большую часть земли, построила много городов»¹⁶.

Сообщение другого историка, Арриана, дает основание предполагать соседство древних хорезмийцев с народом амазонок. Арриан описывает, как к Александру Македонскому явился Фаразман, царь «хоразмиев», с 1500 всадниками, заявив, что он «сосед колхов и амазонок» и согласен быть проводником, если Александр предпримет поход против них¹⁷.

Круг племен и народов, у которых древние авторы отмечают наличие женщин вождей и воинов, совпадает с этнической средой, послужившей, согласно новейшим исследованиям, базой формирования родственных между собой народов Приаралья: узбеков-аральцев, туркмен и каракалпаков. Основой их этногенеза, как свидетельствует С. П. Толстов, являются «древние сако-массагетские племена, «массагеты болот и островов», апасиаки (водные саки)..., сохранявшие в условиях отсталого района Приаралья традиции местного бронзового века»¹⁸, в том числе и черты матриархата в общественном строе. Ознакомившись с эпосом «Кырк кыз», Толстов еще в 1945 г. высказал предположение о связи его древнего пласта с «фрако-массагетской культурной традицией»; он видит в борьбе Гулаим с Суртайшой «отголоски массагетского эпоса о Томи-

¹³ Полевые записи Каракалпакского этнографического отряда, 1956. Записи С. Камалова в колхозе «Кенес» Муйнакского района.

¹⁴ М. О. Косвен. Амазонки. История легенды. СЭ, 1947, № 1, 2.

¹⁵ Геродот. История, I, 214.

¹⁶ Диодор. Библиотека, II, 33—34.

¹⁷ Арриан. Анабасис Александра, IV, 15.

¹⁸ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 106.

рис», считая это имя позднейшей модернизацией имени Сурша-Куруш-Кир¹⁹. Это предположение подтверждается некоторыми деталями в описании битвы. И в древнем, и в современном варианте могущественный, прославленный жестокостью враг, несмотря на огромное преимущество в военной силе, погибает в бою с женщиной-предводительницей.

В то же время, подобно сакской Зарине, Гулаим со своими воинами осваивает пустынные земли и строит город.

Помимо сако-массагетской среды, нити генезиса сюжета эпоса «Кырк кыз» протягиваются и к другому, соседнему и синхронному с массагетами этническому кругу, — к савроматско-сарматским племенам; именно о «гинекократических савроматах» приволжских степей и Северного Кавказа, видимо, сообщал Александру Македонскому правитель Хоразмии Фаразман. О наличии у савроматов-сарматов одинаковых с массагетами особенностей общественного строя с явственными чертами матриархата говорят уже не только древние авторы, но и неопровержимые археологические данные — результаты раскопок советскими археологами в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье сарматских курганов VI—IV вв. до н. э. Во многих могильниках были обнаружены женские погребения с атрибутами воинов и жриц. При костяках женщин найдены остатки колчанов и наконечники стрел, части костяка коня, уздечные наборы и мечи и рядом с ними каменные переносные алтари. Расположение захоронений в могильниках вокруг центрального, выделяющегося своим устройством погребения «женской прародительницы» дает основание исследователям предполагать, что «в савроматском обществе женщины играли роль матери-предка в среде рода и большой семьи»²⁰. В полном соответствии с археологическими данными находятся свидетельства Геродота и других древних авторов о высоком положении женщин у савроматов. «Ни одна женщина не выходит замуж, пока не убьет врага», — пишет Геродот²¹. «Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики с коня и сражаются с врагами, пока они в девушках. Они остаются в девицах, пока не убьют троих врагов», — свидетельствует медицинский трактат псевдо-Гиппократ (VI—V вв. до н. э.). Согласно Эфору, «савроматы... женам своим во всем повинуются, как господам...»²². Огромный массив степных сарматских племен со столь явственными чертами традиций матриархата, как известно, оказывал влияние и на этнические процессы и на формирование культуры народов Приаралья. А. Н. Бернштам отмечает существенное значение сарматов в связях Средней Азии с Восточной Европой, чему способствовало их широкое расселение вдоль Сыр-Дарьи, от Поволжья до Ташкентского оазиса. Сходство в культуре с сарматами обнаруживают некоторые памятники Ферганы, Ташкентского оазиса и др.²³ С. П. Толстов отмечает элементы сарматской культуры даже в археологических материалах Кой-Крылган-калы, расположенной в центре древнего Хорезма.

Все вышеизложенное убедительно свидетельствует об исторической закономерности сюжета «амазонок» в древнем эпосе одного из исконных приаральских народов — каракалпаков. В «Кырк кызе», на наш взгляд, этот сюжет имеет более архаическую форму, чем в преданиях, сообщае-

¹⁹ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпаков, стр. 74.

²⁰ Б. Граков. **ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ**. (Пережитки матриархата у сарматов). ВДИ, 1947, № 3, стр. 110.

²¹ Геродот, IV, 117.

²² Цит. по Б. Гракову. Указ. соч., стр. 100—101.

²³ А. Н. Бернштам. Спорные вопросы истории кочевых народов в древности. КСИЭ, вып. XXVI, стр. 20.

мых древними авторами. В то время как Томирис и Спаретра взяли за оружие под влиянием стечения обстоятельств (смерти мужа, мести за сына у Томирис, необходимости освободить попавшего в плен мужа у Спаретры), организованная Гулаим девичья военная дружина, поселившаяся обособленно, за пределами родного селения, более похожа на определенный социальный институт, очевидно связанный с делением на возрастные классы, свойственным первобытно-общинному строю. Во всяком случае ближайшей аналогией описанному поселению сорока каракалпакских девушек-воительниц на острове является пережиточный обычай *ак-уйли* (белодомовых), открытый С. П. Толстовым у туркмен²⁴. Сущность этого обычая заключается в том, что неженатые юноши поселяются в обособленном от своего селения военном лагере и играют особую роль в войнах, ведущихся племенем. Тема пережитков возрастных классов у народов Средней Азии была впоследствии развита Толстовым в работе «Древний Хорезм» (глава «Путь корибантов») ²⁵. Вслед за трудом Толстова появилась статья К. В. Тревер, посвященная исследованию того же социального института в древнем Иране. Анализируя древнеиранский термин «рагна», автор доказывает, что он обозначал в Иране и на Теджене социально-возрастные группы молодых неженатых воинов, и сообщает о широком распространении этого термина и понятия в хеттском, мидийском и древнеперсидском языках²⁶. В связи с этим нам кажется вероятным, что в эпосе «Кырк кыз» отражены традиции матриархального варианта институтов ак-уйли и иранского рагна. О возможности реального существования этого варианта (быть может, в какой-то период и параллельно с юношескими ак-уйли) говорят сообщения древних авторов, подчеркивающие (в частности, у савроматов) обычай запрета перехода незамужних девушек в возрастную класс замужних женщин до того, как они совершат воинские подвиги — убьют одного или нескольких врагов.

Другим доказательством большой архаичности древнего пласта поэмы «Кырк кыз» является, на наш взгляд, скрытый и модернизированный сюжет супружества родных брата и сестры. Конечно, в эпосе этот сюжет показан как злобная клевета на взаимоотношения между Арысланом и Алтынай, иначе и не мог он трактоваться ни в среде ранне-средневековых тюркских племен, ни тем более в мусульманской среде. Однако самое появление в эпосе отзвуков обычая, характерного для древнейших этапов развития семейного строя, уже говорит о многом. Как известно, супружество брата и сестры, описанное в Авесте и называемое «зороастрийской формой родственного брака», характерно для стадии развития семьи, переходной от матриархата к патриархату, когда «ни в чем не изменяя матриархальных норм, мужчина делает своих детей своими наследниками; ведь дети его сестры, ставшей его женой, одновременно его собственные дети»²⁷. Немало в «Кырк кызе» и других моментов, говорящих об архаических формах семейного быта, связанных с матриархатом и групповым браком. Некоторые из них знакомы этнографам по пережиткам, сохранявшимся в быту каракалпаков, аральских узбеков и туркмен вплоть до XIX — начала XX в. Таковы, например,

²⁴ С. П. Толстов. К истории древнетюркской социальной терминологии. ВДИ, 1938, № 1 (2), стр. 72—81.

²⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, 1948, стр. 281 и сл.

²⁶ К. В. Тревер. Древнеиранский термин «рагна». «Изв. АН СССР, серия истории и философии», № 4, 1947.

²⁷ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 100.

обычай избегания или термины родства, фигурирующие в эпосе и сохранившие все особенности классификационной системы, характерной для группового брака²⁸. Интересна сцена разговора Гулаим со своей *женге* — женой старшего брата. Эта сцена отличается большой психологической остротой, в ней как бы олицетворяется столкновение матриархальных норм быта с патриархальными устоями. Протестуя против брака с ненавистным и презираемым ею плешивым Журинтазом, Гулаим решает в день свадьбы не ехать к отцу, где ее ждет Журинтаз и все уже приготовлено для брачного торжества, а покинуть свой *эль* и уйти со своими девушками-воинями в пустыню, к горе Кран, чтобы продолжить жизнь воинов и охотниц. Но при самом выезде из крепости всадниц застаёт присланная отцом *женге* Бегзада. Приласкав свою *бикеиш*²⁹, которая при этой встрече не сдержалась и зарыдала, обняв шею своего коня, *женге* «сладкими словами» уговаривает ее подчиниться отцу, «не наступать ногой на слова, сказанные отцом», потому что «тот, кто не слушается слов отца, никогда не найдет своего пути», «никогда не избавится от беды; его желания не сбудутся»:

Ата тлин алмаған
Табалмайды ҳеш уақ жол...

Ата тлин алмаған,
Хеш уақытта онбайды
Ушырайды балеге,
Айтқаны оның болмайды³⁰

Послушавшись своей *женге*, мужественная и гордая Гулаим собралась с силами и поскакала в Саркоп, к отцу. Но все же она еще не сдавалась:

Вместе с сорока девушками Гулаим
Во время полуденного намаза
Грозно въехала на той.

Начались скачки, козлодрание, военные конные игры, в которых Гулаим с девушками-«амазонками» восхищают удивленный народ своим мастерством и отвагой, соперничая с лучшими джигитами Саркопа. Плешивый Журинтаз окончательно опозорен, он упал с коня и оказался у девушек в роли козленка во время козлодрания. Он терпит неудачу и в единоборстве (скачках) с Гулаим. В вызове на единоборство можно видеть еще одну попытку Гулаим избавиться от Журинтаза, так как обычай саков был таков: «только поборов девушку, может юноша взять ее в свою власть»³¹. Роль *женге* или другой родственницы девушки, ее воспитательницы, советницы и опекуниши, с помощью которой девушка вступает в следующий возрастной класс, — еще мало изучена, но представляет большой интерес. В особенности важно исследовать участие *женге* в сохранившемся до XIX—начала XX в. древнем каракалпакском обычае «*карангы-қунак*»³², содержащем явные следы группового брака.

Нам могут возразить, что эти сюжеты эпоса, возможно, не сопутствовали древнему пласту, а наслоились в последующие периоды — из жи-

²⁸ См. статьи К. Л. Задыхиной и Т. А. Жданко в первом томе ТХЭ, стр. 397—399, 415—426, 516—517.

²⁹ Так называла *женге* опекаемую ею девушку, не имея права называть ее по имени как родственницу мужа.

³⁰ «Қырғ қыз», Нокис—Ташкент, 1949, стр. 108.

³¹ Клавдий Элиан. Разнообразные повествования, XII, 38. Цит. по кн. «Древние авторы о Средней Азии». Хрестоматия. Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940, стр. 24.

³² См. полевые записи Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1956 г. Запись Н. Лобачевой № 30 в Чимбайском районе.

вого быта каракалпаков, пронизанного пережиточными чертами. Однако следует учесть многочисленные свидетельства древних авторов об особенностях семейного быта массагетов и саков. Они говорят о типичных чертах группового брака: «Обычай массагетов таковы: хотя каждый из них женится на одной женщине, но женами они пользуются сообща», — говорит Геродот³³. Эфор пишет о саках, что они «все имеют общее, женщин и детей и всю семью»³⁴. Скорее всего можно предположить, что в процессе формирования народов Приаралья и развития их общественного строя архаические пережитки матриархата были ими унаследованы именно от тех племен, которые мы считаем их древнейшими предками. «Характерно, — пишет С. П. Толстов, — что именно в Приаралье, к северу от Хорезма, византийские послы в VI в. застали тюркские племена, управляемые женщиной»³⁵. Мы можем к этому добавить, что племя мюйтенов, донесшее до нас суровые и прекрасные образы «Кырк кыза», и само хранит многие восходящие к матриархату традиции. Предком мюйтенов, по собранным нами генеалогическим преданиям, была женщина с астральным именем «Ак-шолпан» («Полярная звезда»). Соседнее с мюйтенами племя кыят ведет свое происхождение также от женщины — «Арухан». Оба эти имени еще в XVIII—XIX вв. являлись уранами каракалпаков-мюйтен и кыят, т. е. боевыми кличками, с которыми они бросались в битву³⁶. На территории расселения этих же племен есть озеро, называемое «Дэу-кемпир», о котором сохранилась легенда, что на берегу его жила женщина, бывшая *катгода*, т. е. главой родовой общины.

Очевидно, исторические судьбы одного из исконных приаральских народов — каракалпаков, обусловившие его сравнительную социально-экономическую отсталость и сохранение многих древних бытовых традиций, перешедших к нему еще от дотюркских предков саков и массагетов, способствовали чистоте сохранения некоторых черт древнего сюжета эпоса «Кырк кыз». Одним из свидетельств глубоких исторических корней дастана и его «дотюркского» происхождения, возможно, является полное отсутствие в нем родоплеменных названий тюркских племен Средней Азии, занимающих столь важное место в эпосе «Алпамыш» и др.

* * *

Анализ древних черт эпической поэмы «Кырк кыз» можно было бы продолжить. В частности, большой интерес представляет в нем отражение мировоззрения и верований народа. Без особого труда в описаниях великоленных «*тулпаров*» и «*бедеу*» Гулаим, Арыслана, Алтынай и других вскрываются элементы культа коня — как известно, основного тотема массагетов, приносимого ими в жертву богу солнца. В сцене охоты Арыслана и Алтынай на двух тигров, которым якобы свойственны все человеческие чувства, отражен тотемистический культ этого животного, традиции которого до недавнего времени сохранялись у населения Хорезма и других районов Средней Азии. Следы тотемистических представлений, по-видимому уже более позднего, тюркского круга древних племен, можно усмотреть и в отношении героев эпоса к другим животным, например,

³³ Геродот. История, I, 216.

³⁴ Эфор. Отрывок, 76, 78. Цит. по кн. «Древние авторы о Средней Азии», стр. 24.

³⁵ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа, стр. 74.

³⁶ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 53.

к овцам, волкам, ворону, вполне очеловеченным в разговорах с Журинтазом.

Весьма характерно для доисламских представлений о загробной жизни описание рая, вошедшее в эпос, очевидно, также от каких-либо не столь отдаленных тюркских предков каракалпаков. Все сведения о рае Аллаярбаю сообщает хитрый Журинтаз, представившийся пиром-предком, очевидцем быта праведников в райских садах. В этом своеобразном раю ангелы и праведники развлекаются, помимо ласк нежных пери, конными играми, козлодраньем:

Кунде тойды береды...
Периштелер жиытып,
Бунынг тойын тойлайды,
Атқа мнип талайы
Кунде ылақ ойнайды³⁷

«Каждый день той устраивают, собравшись, ангелы на этих тоях развлекаются. Многие из них (ангелов), сядясь на коней, ежедневно игру в козлодранье устраивают...»

Есть в «Кырк кызе» и другие мелкие штрихи, вводящие в обстановку быта средневековых предков каракалпаков. Так, в рассказе Гулаим, вспоминающей свое детство и заботы родителей, упоминается арба, запряженная шестью конями, на которой она ездила девятилетней девочкой:

Менинг минген арбама
Алты атты жеккиздинг³⁸...
(В арбу, на которой я ездила,
Шесть коней впрягали)...

Как известно, для каракалпаков, в противоположность хорезмским узбекам, издавна характерна арба с упряжкой быка, а не лошади; но аналогию описанной Гулаим арбе, к тому же шестиконной, можно усмотреть в упоминаемых многими источниками повозках племен и народов послемонгольского времени, населявших присырдарьинские области и дештыкыпчацкие степи; так, например, сподвижник Шейбани-хана Рузбе-хан, сопровождавший последнего в походе на берега Сыр-Дарьи против «узбеков-казахов», подробно рассказывает о домах, «построенных по форме арб и поставленных на колеса, перевозимых верблюдами и лошадьми»; при этом он указывает, что лишь рядовые, небогатые кочевники запрягали в них по одному животному³⁹.

* * *

Перечисленные в нашем обзорном очерке фрагменты историко-этнографической тематики далеко не исчерпывают всего богатства бытовых деталей, имеющих в каракалпакском дастане «Кырк кыз», и заслуживающих серьезного изучения. Мы ограничиваемся лишь скромной задачей — обратить внимание исследователей на это драгоценное для историков и этнографов произведение устного народного творчества каракалпаков.

³⁷ «Кырк кыз», Нокис—Ташкент, 1949, стр. 69.

³⁸ Там же, стр. 82.

³⁹ См. А. А. Семенов. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XII, 1954, стр. 33—34.

Т. А. Жданко

**ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА**

(ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ СОСТАВЛЕНИЯ)

Этнография, как и другие общественные науки, для дальнейшего своего развития, творческой разработки крупных теоретических проблем требует создания прочной научной источниковедческой базы, совершенствования методики, развертывания фундаментальных исследований. В свете этих задач все большее значение приобретает работа по составлению и изданию историко-этнографических атласов. Это один из важнейших видов обобщающих этнографических трудов, и в то же время свод накопившихся со времени зарождения этнографической науки сведений по истории культуры и быта народов. Подготовка атласов сопровождается тщательным учетом, систематизацией и группировкой этнографических материалов, расширением круга источников, заполнением пробелов в изученности отдельных территорий.

Основная специфика атласа — картографирование, дает возможность с наибольшей научной эффективностью использовать полевые этнографические материалы многочисленных экспедиций, музейные собрания, архивные источники, данные анкетных обследований, статистические и другие массовые сведения, сбору которых этнографы в настоящее время придают первостепенное значение.

Роль картографирования в научных изысканиях хорошо известна. Этот метод теперь широко применяется в области общественных наук, в частности — исторических. Картографирование для этнографа, историка, археолога, языковеда отнюдь не только фиксация территориального распространения тех или иных предметов или явлений; это особая форма научного исследования, точного и объективного, «графический метод изображения на определенный период различных аспектов исторического процесса»¹. Составление этнографических карт открывает широкие возможности для сопоставлений, выявления связей в материальной и духовной культуре разных народов, сравнительно-исторического анализа. В историкоэтнографических атласах исследуются сложные научно-теоретические проблемы, главным образом этногенетического и историко-культурного характера.

Преимущества метода этнографического картографирования хорошо освещены в литературе и обсуждались на многих научных сессиях и конференциях, посвященных составлению этнографических атласов — в зарубежных странах и в СССР. Уже давно ведется работа по подготовке к изданию атласов в Польше, ФРГ, Югославии, Австрии, Швейцарии, Венгрии, Финляндии, Швеции и других странах. С участием советских этнографов готовится Европейский историко-этнографический атлас². На VII Международном конгрессе антропологических и этнографи-

¹ С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы, «Сов. этнография», 1964, № 4, стр. 102.

² См.: С. И. Брук, С. А. Токарев, Проблемы составления Европейского историко-этнографического атласа, «Сов. этнография», 1966, № 5, стр. 91—101.

ческих наук (Москва, 1964) состоялся симпозиум по методике составления историко-этнографических атласов³; на следующем, VIII Конгрессе (Токио и Киото, 1968) большой интерес вызвал доклад советских этнографов о принципах и методах составления региональных историко-этнографических атласов в СССР⁴.

* * *

Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана — один из серии региональных атласов⁵,готавливаемых Институтом этнографии АН СССР в сотрудничестве с республиканскими научными учреждениями⁶.

Вопрос о его составлении начал обсуждаться еще в 1950-х гг. В эти годы появился в печати ряд статей о задачах и типе среднеазиатского атласа, о его структуре, содержании, источниках⁷. Авторы статей в своих проектах опирались на опыт создания двух этнографических атласов, тогда еще не опубликованных — Сибирского, охватившего обширный регион, населенный многими народами, и Русского, посвященного одному крупному народу⁸. Они склонялись к варианту регионального атласа, как более перспективного с точки зрения научно-исследовательских задач, но при условии, чтобы в нем были с достаточной полнотой показаны и своеобразные черты традиционной культуры каждого народа.

В 1956 г. второе совещание археологов и этнографов Средней Азии, состоявшееся в Душанбе, приняло решение начать совместную подготовку этого капитального коллективного труда⁹. Вскоре Институтом этнографии АН СССР были изданы программы сбора материалов к Среднеазиатскому атласу по темам «Одежда» и «Жилище»¹⁰. В 1961 г. вышел в свет сборник «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», со статьями этнографов и археологов, программами и картами¹¹. Деятельно включились в работу этнографы республи-

³ «Труды VII Международного Конгресса антропологических и этнографических наук», т. 8, М., 1970, стр. 511—534.

⁴ См. S. I. Bruck, W. K. Gardanow, K. G. Guslistyj, M. G. Rabinowitsch, T. A. Shdanko, L. N. Terentijewa, Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen regionaler geschichtlich-ethnographischer Atlanten in der UdSSR, «Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, 1968, Tokyo and Kyoto», vol. II, pp. 3—6.

⁵ В настоящее время ведется работа над региональными атласами: 1. Юго-западного региона (Украина, Белоруссия, Молдавия); 2. Северо-западного региона (Прибалтика — Литва, Латвия, Эстония); 3. Кавказа (Северный Кавказ и Закавказье — Грузия, Армения, Азербайджан); 4. Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Туркмения) и Казахстана.

⁶ В авторском коллективе этого атласа участвуют, помимо сотрудников Московской и Ленинградской частей Института этнографии АН СССР, этнографы Академий наук республик Средней Азии и Казахстана, сотрудники отдела Средней Азии Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград), кафедры этнографии МГУ и некоторых других научных учреждений.

⁷ См.: Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии, «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 20—29; С. П. Русьякина, Музейные этнографические фонды как источники для составления Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 157—158; С. М. Абрамзон, О содержании разделов историко-этнографического атласа Средней Азии, посвященных отдельным народам (применительно к киргизам), «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVI, 1957, стр. 50—53.

⁸ «Историко-этнографический атлас Сибири», М.—Л., 1961; «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967.

⁹ «Материалы второго совещания археологов и историков Средней Азии (9 октября—4 ноября 1956 г., Сталинабад)», М.—Л., 1959, стр. 235—262; стр. 266—267.

¹⁰ Е. И. Махова, С. П. Русьякина, Программа для сбора материалов по теме «Одежда народов Средней Азии и Казахстана», М., 1958; Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Программа сбора материалов по жилищу сельского населения Средней Азии и Казахстана, М., 1958.

¹¹ «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 48, М.—Л., 1961.

канских академий наук. В 1955—1965 гг. экспедиционными работами были охвачены все области Казахстана. Сплошное этнографическое обследование дало в скором времени ощутимые научные результаты: вышли в свет несколько историко-этнографических монографий и тщательно составленные этнические карты расселения родоплеменных групп казахов в конце XIX—начале XX в.¹²

Большую работу вели и этнографы Таджикистана: они продолжали начатое ранее сплошное этнографическое обследование областей республики, в частности Гармской области (Каратегина и Дарваза). Материалы этих многолетних полевых работ тщательно обработаны, систематизированы и в значительной части уже изданы¹³. Издан также альбом народной одежды таджиков¹⁴. Серьезные исследования и сбор материалов для подготовки атласа велись и в других республиках — Туркмении, Узбекистане, Киргизии. Нельзя не отметить, например, что в 1959 г. были опубликованы первые этнографические карты, характеризующие ареалы распространения на территории Киргизии различных типов юрт, вариантов женского головного убора и технических приемов узорного ткачества¹⁵. В «Трудах Киргизской экспедиции» опубликованы также детальные этнические карты Киргизии¹⁶, а один из них посвящен главным отраслям народного прикладного искусства киргизов¹⁷. Серьезным вкладом в разработку атласа стала и книга К. И. Антипиной об особенностях материальной культуры южных киргизов¹⁸.

После выхода в свет двух томов труда «Народы Средней Азии и Казахстана», вошедшего в серию «Народы мира», работа по подготовке атласа — следующего коллективного обобщающего труда по этнографии среднеазиатско-казахстанского региона — становится интенсивней. В 1967 г. в Ашхабаде совещание республиканских, московских и ленинградских авторских коллективов определило принципы построения атласа, очередность работ, организацию и методику сбора материалов; были также утверждены списки карт и типологических таблиц первого выпуска атласа, посвященного теме традиционных форм хозяйства (иригация, земледелие, скотоводство)¹⁹. Второе совещание по подготовке атласа проходило в Ташкенте, в 1969 г. На нем уже демонстрировались эскизы нескольких этнографических карт²⁰. Доклады и карты, обсуждавшиеся на этих совещаниях, подготовлены к печати, составив два очередных сборника материалов к атласу.

¹² И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Казахская национальная одежда (XIX—нач. XX вв.), Алма-Ата, 1964; В. В. Востров, М. С. Муканов, Родоплеменной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968; Х. Аргынбаев, Этнографические очерки по скотоводству казахов, Алма-Ата, 1969 (на казах. яз.).

¹³ «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. 1, Душанбе, 1966; вып. 2, Душанбе, 1970.

¹⁴ Н. Н. Ершов, З. А. Широкова, Альбом одежды таджиков, Душанбе, 1969.

¹⁵ Е. И. Махова, Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959, стр. 44—58.

¹⁶ «Карта дореволюционного родоплеменного расселения киргизов в Южной Киргизии». Составил Я. Р. Винников, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, Фрунзе, 1956; «Расселение родоплеменных и этнических групп киргизов в Северной Киргизии». Составили С. М. Абрамзон и Я. Р. Винников, Там же, т. IV, М., 1960.

¹⁷ «Народное декоративно-прикладное искусство киргизов», «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. V, М., 1968.

¹⁸ К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962.

¹⁹ Т. А. Жданко, Новый труд по истории культуры, газ. «Туркменская искра», 10 декабря 1967 г.; см. также: «Региональное созвучие по вопросам подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Методические материалы», М., 1967. В это издание включены программы сбора материалов к атласу по теме «Земледелие и иригация» (авторы — Н. А. Кисляков и М. В. Сазонов, с участием Н. Н. Ершова) и по теме «Животноводство» (автор — С. М. Абрамзон).

²⁰ С. Мирхасилов, Совещание по вопросам подготовки «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана», журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1969, № 5, стр. 52—53.

Принципы и методы составления региональных атласов СССР сходны; координация в этом направлении несомнима, поскольку в перспективе предусматривается создание сводного «Атласа СССР», что требует сопоставимого материала. В то же время каждый из этих атласов имеет некоторые особенности, обусловленные спецификой региона, состоянием источников, степенью привлечения сведений из наук, смежных с этнографией. Значительные различия имеются в том круге научных проблем, разработке которых придают первостепенное значение авторские коллективы каждого из атласов.

Регион, охватываемый атласом Средней Азии и Казахстана, обширен и многонационален. Как отмечалось выше, он включает территории пяти союзных республик (Узбекская ССР; Казахская ССР; Таджикская ССР; Туркменская ССР; Киргизская ССР) и двух национальных автономий: Каракалпакской АССР (в составе Узбекистана) и Горно-Бадахшанской автономной области (в составе Таджикской ССР).

Общая площадь региона — 3994 тыс. км², численность населения — 32 804 тыс. чел.²¹.

Помимо шести основных народов, составляющих в совокупности преобладающую часть (около 60%) населения региона (узбеки, казахи, таджики, туркмены, киргизы, каракалпаки), в атласе найдет отражение культура издавна, еще в средневековье поселившихся здесь мелких групп пришлых народов (среднеазиатские арабы, среднеазиатские цыгане и некоторые другие); они восприняли языки (узбекский, таджикский), многие черты культуры народов Средней Азии и частично ассимилируются последними. Среди аборигенов региона наряду с таджиками будут представлены так называемые припамирские народности (шугнанцы, рушанцы, бартангцы, язгулемцы и др.), процесс этнической интеграции которых в среде таджиков до сих пор еще не завершен. На картах атласа будут показаны особенности культуры уйгуров и дунган, пришедших в Среднюю Азию и Казахстан из Восточного Туркестана в 1870—1880-х гг., а также белуджей и корейцев, поселившихся здесь уже в годы Советской власти. На этнической основе атласа выделяются и ареалы расселения в сельских местностях (и соответственно — элементы культуры) русского и украинского населения — переселенцев из центральных областей России, живущих в среде народов среднеазиатско-казахстанского региона со второй половины XIX в.; они оказали существенное влияние на хозяйство и материальную культуру соседних групп местного населения — казахов, киргизов и др., и в свою очередь восприняли у последних некоторые элементы культуры и трудового опыта.

Охват картографированием всей совокупности народов многонационального региона, очевидно, даст серьезные научные результаты. Эти народы связаны общностью исторических судеб, давностью экономических, этнических и культурных взаимовлияний. В результате длительных контактов в их материальной, духовной культуре и быту наряду со специфическими для отдельных этносов формами сложилось немало и общих или близко сходных черт. Картографирование элементов их традиционной культуры на общерегиональной основе даст возможность выявить с максимальной научной объективностью как этнодифференцирующие признаки отдельных этнических общностей, так и ареалы распространения черт культурной общности, свойственных всему региону, представляющему собой крупную историко-этнографическую область.

Издание атласа рассчитано на длительный период: это связано с состоянием материалов. Несмотря на систематические полевые исследования еще не преодолена неравномерность этнографической изученности

²¹ «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 г.». Сообщение ЦСУ СССР, газ. «Правда», 109, (18887), 19 апреля 1971 г., стр. 1 («Численность населения союзных республик»).

разных областей Средней Азии и Казахстана. По многим важным темам имеется лишь фрагментарный материал; до сих пор на территории региона существуют и «белые пятна» — совсем не изученные районы и группы народов. Все это создает большие трудности для авторов. Задерживает подготовку атласа также и недостаток кадров для чрезвычайно трудоемкой подготовительной работы — научные коллективы этнографов в республиках все еще малочисленны. По мере накопления и обработки материалов будет подготовляться серия тематических выпусков: «Хозяйство (иригация, земледелие, скотоводство)»; «Промыслы и ремесла»; «Поселения и жилища»; «Одежда и украшения»; «Пища и утварь»; «Верования и обряды»; «Народное искусство и орнамент» и др. В каждый выпуск войдут карты, исторический и этнографический очерки, рисунки, фотографии, типологические таблицы. В серии будет также вводный выпуск, характеризующий географическую среду (карты рельефа, почв, основных природных зон) и состав населения Средней Азии и Казахстана, с очерком этнической истории. Наряду с этническими картами, освещающими расселение народов в разные исторические периоды, в этот выпуск включаются карты лингвистические и антропологические.

В ближайшие годы (1972—1975) будут изданы два сборника материалов к атласу по теме «Хозяйство» и два по темам «Жилище» и «Одежда». В 1975 г. по намеченному плану завершается подготовка типологических таблиц и большинства карт к выпуску «Иригация, земледелие, скотоводство», на котором сосредоточено сейчас основное внимание. Первоочередность этого выпуска, большое место, выделяемое теме традиционных форм хозяйства, отличают атлас Средней Азии и Казахстана (как и Кавказа) от атласов европейских регионов. Ниже мы остановимся подробнее на некоторых вопросах разработки карт этого выпуска, призванного внести существенный вклад в изучение проблем агроэтнографии.

Часть авторского коллектива атласа уже начинает подготовку других его выпусков: «Одежда и украшения», «Поселения и жилища». Начат подбор материала и к нескольким картам по обрядам и верованиям; так, в ближайшие годы намечается составить пробные карты по свадебной и погребальной обрядности, по среднеазиатскому шаманству и др. Ведется работа и по вводному выпуску. Сейчас, в частности, начат подбор всех изданных и рукописных этнических карт для составления детальной этнической карты региона на конец XIX — начало XX вв., учитывающей расселение основных этнографических и родо-племенных групп. Вводный выпуск, комплексный по своей тематике, потребует привлечения специалистов разного научного профиля.

* * *

Один из главных принципов построения региональных историко-этнографических атласов в нашей стране, в отличие от зарубежных, — отображение явлений материальной и духовной культуры народов в их историческом развитии. Так, в атласе «Русские» пространственное распространение каждого изучаемого элемента дается большей частью на двух картах разных периодов. Для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана также выделены хронологические рубежи исторических периодов, по которым будут составляться карты.

Отправным рубежом исследований по большинству тем атласа может стать период присоединения к России — середина или 60-е — 70-е годы XIX века, когда народы Средней Азии и Казахстана сохраняли еще феодальные формы хозяйства и бытового уклада и вместе с тем существенно усилилось этнографическое изучение края в связи со всесторонним его исследованием русскими учеными и администрацией. Однако по Бухарскому и Хивинскому ханствам, которые оказались на положении «вас-

сальных» владений царизма, сведения о населении и его культуре продолжали оставаться крайне скудными и неточными. Территория этих ханств не была даже охвачена Всероссийской переписью населения 1897 г., поскольку они официально считались самостоятельными государствами, хотя по существу полновластными правителями эмиры Бухары и хивинские ханы были только в области внутренней политики. Впрочем начавшееся уже исследование источников XIX века — архивов Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств, — вероятно, сможет в какой-то мере восполнить пробелы в сведениях по этому периоду и позволит составить карты хотя бы по некоторым темам.

Вторым рубежом для карт атласа принято начало XX в. В источниках и обширной литературе накопилось достаточно данных о тех существенных изменениях в хозяйстве, быту и культуре народов Туркестанского края и Степного генерал-губернаторства («Киргизского края»), которые произошли вследствие полувекового периода их пребывания в составе России и проникновения на эту юго-восточную окраину империи капиталистических отношений. Эта группа карт атласа зафиксирует уровень экономического развития и культуру формирующихся наций Средней Азии и Казахстана накануне Октябрьской революции. Наиболее полно обеспечен атлас по этому периоду и конкретным этнографическим материалом (музейные коллекции и др.).

Третья хронологическая веха — начало Советского периода — 1917—1930 гг.; по этому периоду имеется много источников и литературы для составления карт. Они будут характеризовать отправной этап социалистических преобразований в хозяйстве, культуре и быту. Изучение Средней Азии в эти годы было тесно связано с формированием, в результате национально-государственного размежевания 1924—1925 гг., суверенных национальных советских социалистических государств на территории региона — союзных и автономных республик и автономных областей. К этому же периоду относятся первые переписи населения, проведенные в Советском государстве, в том числе наиболее полная, охватившая все области и народы региона (в том числе впервые — и территории б. Бухарского и Хивинского ханств) — перепись 1926 г. Хорошо освещается этот период и экспедиционными материалами различных специальных обследований.

Последний исторический рубеж — наша современность. Характер карт этого периода, очевидно, в значительной степени определится привлечением тех массовых материалов, которые будут собраны в результате широких этнографических и этносоциологических исследований, организуемых для изучения проблем современных этнических процессов в СССР.

Разумеется, не для всех тем атласа представится целесообразным и возможным составление карт по всем четырем периодам.

Не останавливаясь более детально на исторических и этнографических источниках, используемых для составления карт атласа, относящихся хронологически к новому и новейшему времени (это — особая, обширная тема)²² вернемся к отмеченной выше необходимости включения в тематические выпуски, помимо основных, этнографических, также и историко-археологических очерков. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана имеет глубокие истоки, восходя к VI—V векам до н. э., к древним персидским надписям и рельефам, украшавшим гробницы ахеменидских царей и дворец в Персеполе, и сохранившим названия народов Средней Азии, сведения об их расселении, превосходные изображения их внешнего облика. Благодаря развитию археологических исследо-

²² Вопросу об источниках для составления атласа уделено большое внимание в указанных выше статьях 1950-х гг. и других изданиях. Обширная литература, архивные источники, музейные материалы еще далеко не полностью учтены и систематизированы. Авторы ведут эту работу, составляя картотеки, библиографические списки и обзоры. Ведется работа и в архивах по выявлению статистических и других материалов.

ваний за последние десятилетия необычайно обогатились и данные палеоэтнографии, позволяющие углубить исследование истории ирригации, земледелия, скотоводства, жилища и других тем атласа до времени первоначального их возникновения, восходящего к эпохам неолита и энеолита. Столь же велики достижения археологии, относящиеся к более позднему историческим этапам; для средневековья, помимо археологических памятников, значительный новый материал по развитию хозяйства и культуры дает исследование востоковедами целого ряда вновь открытых восточных рукописей, собраний миниатюр. Все это свидетельствует о реальных возможностях подготовки для атласа специалистами-археологами и историками, — очерков, иллюстрированных рисунками, фотографиями находок, а по возможности и палеоэтнографическими картами.

Такие очерки свяжут археологический материал с этнографическим и помогут выявить исторические процессы генезиса и становления традиционных форм культуры, тесно связанные с этническими процессами, происходившими на территории региона со времен глубокой древности.

Опыт работы по составлению региональных атласов уже давно привел к выводу о необходимости отразить на картах значимость каждого картографируемого элемента, его количественную характеристику. При подготовке атласа «Русские» авторы его разработали прием обозначения на картах преобладающих, бытующих и единичных явлений значками разного размера. Это дает возможность проследить динамику возникновения, развития и изживания тех или иных элементов культуры, если карты составляются по двум или нескольким хронологическим периодам. Однако, при малейшей возможности целесообразнее пользоваться статистическими данными, столь же важными для достижения научной объективности при анализе этнографического материала, как его хронологическая датировка и привязка к определенной локальной группе народа. При тщательных поисках в литературе и в архивохранилищах можно найти немало статистических сведений для карт по темам земледелия, ирригации, скотоводства, ремесел и промыслов; встречаются и цифровые данные в какой-то степени обосновывающие количественную характеристику распространения разных типов поселений и жилища, транспортных средств и др. Уже дало хорошие результаты использование этнографами Казахстана статистических данных Переселенческого управления, опубликованных в многотомном издании «Материалов по киргизскому землепользованию» (1900-е гг.), детально освещающих экономику, приемы ведения хозяйства, жилище и другие стороны быта казахского и киргизского населения²³. Это обследование покрыло всю территорию бывшего Степного генерал-губернаторства и части Туркестана. Важны и материалы других обследований, предпринимавшихся правительством Российской империи или местной колониальной администрацией, например, многотомный «Отчет по ревизии Туркестанского края» сенатора К. К. Палена (1910 г.), в котором содержится обстоятельное описание сельского хозяйства Туркестана и большое число статистических таблиц²⁴. Трудно переоценить также важность использования многочисленных публикаций созданных в 70-х—80-х гг. XIX в. статистических комитетов Туркестанского края. В них уделяется много внимания хозяйственной жизни, быту и культуре народов Средней Азии²⁵.

²³ На основании этих данных, проверенных и дополненных во время полевых этнографических работ, уже составлены эскизы нескольких карт по скотоводству и земледелию в дореволюционном Казахстане.

²⁴ К. К. П а л е н, Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором-гофмейстером графом К. К. Паленом, т. 16 — «Орошение в Туркестане», Спб., 1910; т. 17 — «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», ч. 1—2, Спб., 1911.

²⁵ См.: Б. В. Л у н и н, Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края, «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 6, стр. 30—39.

Как известно, при составлении атласов большое значение имеет выбор микрорайона — основной территориальной единицы картографирования. Во всех региональных атласах СССР, в том числе и в атласе Средней Азии и Казахстана, для карт дореволюционного периода за единицу картографирования принят уезд. В пяти областях Туркестанского генерал-губернаторства и четырех областях Степного или Киргизского края было 44 уезда к началу XX века²⁶. На территории Бухарского ханства основными административными единицами были 26 бекств. В Хивинском ханстве бекств (или хакимств) было 22. Таким образом, для всего региона установлена сетка из 92 микрорайонов. В тех случаях, когда уезд сложен по этническому составу населения или по географическим условиям, авторы могут делить более детально изучаемую территорию.

Рабочие бланковки для авторов карт составлены в масштабе 1 : 2 500 000. Этот масштаб достаточно крупный для разделения территории уездов на волости или природно-хозяйственные районы. Однако нередко подготовительная работа ведется и на более крупномасштабных картах. Приходится учитывать различия уездов по площади, плотности и этническому составу населения. Так, например, по данным В. И. Масальского, в Ташкентском уезде Сырдарьинской области на 25,6 тыс. кв. верст было 498,9 тыс. чел. (плотность — около 20 чел. на 1 кв. версту), тогда как в Мангышлакском уезде Закаспийской области на 193,7 тыс. кв. в. приходилось 77 тыс. чел. (плотность населения — 0,3 чел. на 1 кв. версту)²⁷. Естественно, что в уездах с большой плотностью и многонациональным составом населения необходимо вести работу по более мелким административным единицам, на картах (или врезках) крупного масштаба.

Что касается видов карт и методических приемов картографирования, то как показывает практика, они разнообразны — в зависимости от содержания и характера источников.

Карты составляются как по этнографическим (без численных показателей), так и по статистическим материалам, нередко эти данные сочетаются. Составленные по статистическим данным карты сопоставляются в атласе с этническими и комментируются в этнографическом аспекте. Например, карта распространения (и соотношения) сельскохозяйственных культур нужна не только для определения интенсивности и товарности земледелия у тех или иных этнических групп, но и для выявления их главных трудовых навыков, традиционной пищи и т. д. В этом отношении ярким примером может служить степень распространения проса: уже давно исследователи в преобладании этой культуры видят свидетельство экстенсивного земледелия, распространенного главным образом в степных, плохо обеспеченных водой районах, у кочевников и полукочевников. Это очень убедительно подтверждается, в частности, картой, составленной для атласа казахстанскими этнографами. Столь же важно для определения характера скотоводческого хозяйства соотношение разных видов скота; этим показателем, как известно, широко пользуются археологи, определяя по костным остаткам домашних животных состав стада и тип хозяйства древних обитателей раскопанных стоянок и поселений. Наличие значительной доли крупного рогатого скота — показатель полуседлого или оседлого хозяйства, а преобладание овец и лошадей — кочевого, пастбищного скотоводства.

Наряду с картами, освещающими распространение тех или иных явлений и форм культуры, на определенном этапе работ будет составлено и несколько более сложных синтетических карт (например, типов земледелия и скотоводства, типов хозяйства, образа жизни и др.). Один из са-

²⁶ В это число включен и так называемый Амударьинский отдел Сырдарьинской области, нынешняя правобережная часть Кара-Калпакской АССР.

²⁷ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», Под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского, т. XIX — «Туркестанский край», Спб., 1913, стр. 606, 621.

мых сложных вопросов методики картографирования при многонациональности региона Средней Азии и Казахстана — это пока еще неразрешенный вопрос о техническом способе сопоставления карт этнографических с этническими. Нанесение всей этнографической нагрузки на карту с пестрой этнической основой вызывает много неудобств, препятствует ясности чтения карты. Между тем графическое сопоставление территориального распространения определенных элементов культуры с этническими территориями, а иногда и с границами распространения языков и диалектов бывает необходимо при анализе соотношения этнических и культурных ареалов. Очевидно, для этого придется разрабатывать особые приемы картографирования.

* * *

Круг проблем этнографии народов Средней Азии и Казахстана, с разработкой которых связано составление историко-этнографического атласа этого региона, довольно обширен; ограниченность объема статьи позволяет лишь вкратце коснуться их.

Выше уже отмечалось, как велико значение атласа для исследования проблем истории культуры. В частности, это относится к выявлению в Средней Азии и Казахстане ареалов историко-этнографических областей — конкретных территорий, на которых в результате длительного взаимного общения обитающих здесь этнически различных народов, связанных общностью исторических судеб, сложилась определенная культурная общность. Исследование с применением метода картографирования даст прочную основу для выявления черт культурной общности, присущих всему региону — крупной историко-этнографической области, а также историко-этнографическим областям второго порядка. Эти последние в условиях Средней Азии нередко совпадают с оазисами (Ташкентский, Бухарский, Хорезмский оазисы, Ферганская и Зеравшанская долины и др.), охватывая частично и прилегающие к ним районы степей и предгорий с преимущественно скотоводческим населением, издавна экономически тяготевшим к городам и земледельческим селениям этих оазисов. Известно, например, как различен облик традиционного жилища узбеков в Хорезме и Ферганской долине — разных историко-этнографических областях. В то же время в Хорезме этот областной тип жилища распространился наряду с узбеками, у оседлых туркмен, каракалпаков и у казахов, издавна оседавших в зоне границ Хорезмского оазиса с пустыней. Так же обстояло дело в Фергане — при многонациональности населения этой долины традиционный ферганский тип сельского жилища был преобладающим не только у оседлых узбеков и таджиков, но и у перекочевывавших к оседлости групп полукочевых узбеков и у ферганских каракалпаков. Однако, для выявления ареалов многочисленных историко-этнографических областей, веками формировавшихся на территории Средней Азии и Казахстана, этнографические материалы необходимо широко сопоставлять с историческими и археологическими²⁸, в частности с ареалами археологических культур.

Выше уже отмечалась одна из особенностей структуры атласа Средней Азии и Казахстана (как и Кавказского) — большой удельный вес в нем темы хозяйства. По сравнению с уже изданными и завершаемыми атласами регионов Европейской части СССР в нем появится новый вид карт — впервые в историко-этнографическом аспекте будут картографироваться ирригация и скотоводство. Расширение агроэтнографической тематики в этом атласе объясняется природно-географической спецификой региона Средней Азии и Казахстана, отличающегося огромным разнообразием ландшафтов, резкими контрастами природных условий. Высочайшие в стране горные массивы соседствуют здесь с равнинами и

²⁸ См.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 10—14.

глубокими впадинами, самые большие в стране пустыни — с плодородными оазисами. На небольшом участке карты, иногда на территории одного уезда или бекства подчас оказывается несколько ярко выраженных ландшафтов. Многовековая адаптация местного населения к природной среде привела к формированию столь же разнообразных форм хозяйственной деятельности. Обычно у одного и того же народа встречаются не только несколько типов хозяйства, но и разный образ жизни (например, полукочевые группы в среде оседлых земледельцев-узбеков или традиционное деление на кочевников-скотоводов — так называемых «чарва», и оседлых земледельцев — «чомур», у туркмен и др.)²⁹. В зависимости от места обитания локальных групп народа у них было различным соотношение земледелия и скотоводства, оседлости и кочевания. Между тем традиционные формы хозяйства были одним из главных факторов, влиявших на формы общественной жизни, материальной культуры, быта.

Все это заставляет при подготовке такого капитального обобщающего труда, как историко-этнографический атлас, начать эту работу с агро-этнографических карт; они должны послужить отправным этапом не только к разработке других тем атласа: жилища, одежды, пищи и пр., но и к исследованию общей проблемы хозяйственно-культурных типов региона.

В процессе подготовки атласа, как отмечалось выше, накапливается материал, с достаточной полнотой и точностью определяющий типы хозяйства, сложившиеся у разных народов и их локальных групп, и выявляются ареалы распространения этих типов³⁰. Изучением типологии сельского хозяйства Средней Азии и Казахстана много занимались в аспекте своей науки экономгеографы; эти классификации, несомненно, следует учитывать, однако в них отсутствует важнейший для этнографии элемент — этнический. Б. В. Андрианов первый сопоставил разработанную экономгеографами типологию хозяйства Средней Азии и Казахстана с этнической картой. В приложении к среднеазиатским томам серии «Народы мира» помещена составленная им карта распространения хозяйственных типов³¹.

Этот опыт чрезвычайно ценен, однако карта еще схематична; агро-этнографические карты атласа должны обеспечить ее уточнение и детализацию, отразить все многообразие вариантов хозяйственной деятельности населения в сочетании со всей сложностью его этнического состава и вместе с тем создать более солидную и прочную основу для дальнейшего исследования одной из важнейших этнографических классификаций — по хозяйственно-культурным типам. В настоящее время хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана³² изучены еще не так детально и основательно, как например, это сделано для регионов Сибири (М. Г. Левиным, Л. П. Потаповым и др.). В процессе работы по составлению атласа уточнится соотношение типов хозяйства с типами жилища, одежды и других элементов культуры, что определяет хозяйственно-культурные типы³³. Работу по их хронологической датировке (установлению времени возникновения) облегчит использование данных современной археологической науки.

Следует отметить, что весь этот цикл исследований внесет ясность и во многие другие, пока еще дискуссионные вопросы среднеазиатско-ка-

²⁹ Т. А. Жданко, Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1961, № 2; е е ж е, Номадизм в Средней Азии и Казахстане, сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 276—278.

³⁰ См. например: Б. Х. Кармышева, Типы скотоводства в южных районах Узбекистана и Таджикистана (конец XIX — начало XX в.), «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 44—50 (к статье приложена карта, составленная автором).

³¹ Карта «Хозяйственные типы Средней Азии и Казахстана. XIX в.», «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 2 (серия «Народы мира, этнографические очерки»), М., 1963.

³² См. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, стр. 32—37.

³³ М. Г. Левиным, Н. Н. Чебоксаров, Указ, раб., стр. 4—10.

захстанской этнографии, в частности, касающиеся исторической роли полукочевников и кочевников-скотоводов, их общественного строя, взаимоотношений с земледельческим населением и т. д. В процессе разработки агроэтнографической тематики атласа представится также возможность на большом материале рассмотреть (применительно к Средней Азии и Казахстану) интересный вопрос, занимающий сейчас многих исследователей аграрной этнографии: о наличии или отсутствии этнической специфики в технике и технологии сельского хозяйства. Дискуссия по этому вопросу пока еще продолжается.

Однако, нет необходимости доказывать, что основное значение историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана связано с исследованием этногенеза, с анализом сложных этнических и этно-культурных процессов, характерных для этого многонационального региона как в его историческом прошлом, так и в советский период. Изучение и сопоставление на региональных картах атласа обширного этнографического материала по истории культуры отдельных народов сулит большие открытия; несомненно, выявятся новые направления этно-культурных взаимосвязей и новые факты, способствующие изучению этнической истории народов. Благодаря историческому профилю атласа, он поможет решить некоторые проблемы истории формирования этнических общностей региона и их своеобразных культур, а также уловить изменения в культуре, возникающие в связи с этническими процессами ассимиляции и консолидации.

Так, сравнивая карты разных исторических периодов, очевидно, можно будет заметить стирание пережитков некоторой культурной специфики племенных групп в процессе национальной консолидации, постепенное исчезновение у них предметов и бытовых явлений, характеризовавших прежнюю племенную обособленность (например, некоторых элементов одежды, обрядов, обычаев), заменяющихся общенациональными формами. В то же время у ряда мелких народностей (например, у среднеазиатских арабов), уже давно теряющих самобытный облик своей культуры под влиянием этнической среды окружающего (в данном случае узбекского и таджикского) населения, наглядно выявится процесс их ассимиляции, причем представится возможность датировать его главные исторические этапы.

Больших научных результатов, способствующих изучению этнических процессов, можно ожидать и от картографирования явлений современной культуры. В условиях социализма и коммунистического строительства исторически сложившиеся взаимосвязи и черты общности народов развиваются на новой основе, определяемой практическим осуществлением партией ленинской национальной политики равенства и дружбы народов, ленинского курса на расцвет социалистических наций и народностей и их постепенное сближение. Сближение происходит в условиях внимательного учета национальных особенностей развития социалистических национальных культур.

Заключительные разделы атласа, исследующие современные формы национальной культуры и быта народов Средней Азии и Казахстана, могут стать ценным источником для изучения процессов их постепенного сближения, формирования элементов общесоветской культуры, зарождения и развития новых прогрессивных национальных традиций, знаменующих поступательное движение к коммунизму.

Атлас будет иметь, помимо научно-теоретического, и прикладное значение. Обобщив народный опыт в области хозяйственной деятельности, приемов зодчества, разнообразных видов художественного творчества, он станет ценным пособием для проектирования современных национальных форм архитектуры, одежды, предметов утвари и т. д., поможет специалистам использовать лучшие достижения многовековой культуры народов Советского Востока.

**THE ATLAS OF HISTORICAL ETHNOGRAPHY FOR MIDDLE ASIA
AND KAZAKHSTAN
(PRINCIPLES AND METHODS OF COMPILATION)**

The Atlas of Historical Ethnography for Middle Asia and Kazakhstan is one of a series of regional atlases which are in course of preparation in the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, in collaboration with bodies of ethnographers working in research institutes in the various Union republics. The article gives a description of the region, data on the ethnic composition of its population; it deals with problems of the structure of the Atlas (which is proposed to be published in several instalments, by subjects), with the principles and methods of its compilation. In conclusion a survey is given of the major problems of ethnogenesis and culture history studied by the ethnography of Middle Asia and Kazakhstan. The elucidation of these problems will be facilitated by the Atlas which is to be a wide-scope ethnographic work based on cartography as a specific research method.
